

Для цитирования: Козлова О. А., Макарова М. Н. Сокращение бедности в России в контексте реализации национальных целей развития // Журнал экономической теории. — 2020. — Т. 17. — № 4. — С. 770-780

<https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-4.2>

УДК: 330.123.2

JEL I32

О. А. Козлова ^{а,б)}, М. Н. Макарова ^{а)}

^{а)} Институт экономики Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: Olga137@mail.ru)

^{б)} Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Российская Федерация)

СОКРАЩЕНИЕ БЕДНОСТИ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ¹

В статье рассматривается проблематика состояния и динамики российской бедности. Актуализация данной проблематики обусловлена тем, что бедность стала определенным тормозом в развитии человеческого капитала, определяя ограниченность доступа значительной части населения страны к ресурсам развития, а именно, к качественному здравоохранению, образованию, достойной оплате труда, успешной социализации детей и молодежи. Несмотря на обилие стратегических документов развития, где основным приоритетом является повышение уровня и качества жизни, бедность долгие годы остается неизменной проблемой в нашей стране, таящей угрозу ее безопасности. Гипотеза исследования: отсутствие эффективной политики государства по снижению бедности в стране определяет ее застойный характер и отсутствие возможности решения данной проблемы отдельными финансовыми мерами. Для эмпирической проверки гипотезы исследования выбраны методы анализа стратегических документов социально-экономического развития Российской Федерации, состояния и динамики бедности населения за период 2010–2018 годов, основанного на материалах Росстата. На основе ретроспективного обзора основных теоретических положений причин бедности, анализа современных разработок зарубежных и отечественных исследований в данной научной области, процессов, формирующих бедность в России и ее регионах, авторами сделан вывод о необходимости системного подхода к разработке государственной политики по снижению бедности и определены приоритетные направления формирования данной политики.

Ключевые слова: теории бедности, абсолютная и относительная бедность, неравенство, факторы, показатели и динамика бедности, национальные цели, приоритеты, политика государства

Введение

Повышение уровня жизни и сокращение бедности является одним из приоритетов социально-экономического развития, закрепленных в стратегических документах Российской Федерации. Так, в Стратегии национальной безопасности РФ² определено, что достойное качество и уровень жизни граждан являются значимыми элементами национальной безопасности, а органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества содействуют росту благосостояния граждан, снижению дифференциации населения по уровню доходов, сокращению бедности, в том числе путем развития пенсионной системы, социальной поддержки отдельных категорий граждан, совершенствования системы социального обслуживания. Аналогично

в Стратегии экономической безопасности РФ³ повышение уровня и улучшение качества жизни населения признается одной из целей государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности, а снижение уровня бедности и имущественного неравенства населения является одной из задач данной Стратегии. Кроме того, в указанном документе определены показатели измерения бедности (доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, децильный коэффициент, доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения), хотя и не указаны их целевые значения.

Прогноз социально-экономического развития РФ на период до 2036⁴, одобренный на за-

¹ © Козлова О. А., Макарова М. Н. Текст. 2020.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 13.08.2020).

³ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения 13.08.2020).

⁴ Прогноз социально-экономического развития РФ на период до 2036. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/dokumenty_strategicheskogo_

седании Правительства РФ 22.11.2018, рассматривает вопрос повышения уровня жизни в контексте политики доходов и занятости населения и определяет, что рост реальной заработной платы в долгосрочной перспективе будет постепенно ускоряться и в среднем составит 2,0 % в 2019–2024 гг., 2,5 % в 2025–2030 гг., в 2031–2036 гг. увеличится до 2,7 %, а в целом за 2019–2036 гг. увеличение составит 1,6 раза. Также сокращению доли бедного населения будут способствовать повышение уровня пенсионного обеспечения граждан и эффективное распределение социальных выплат.

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года, разработанный в рамках реализации «майских указов» президента» и одобренный на заседании Правительства РФ 19.09.2019, предполагает, что за счет мероприятий по повышению заработной платы целевым категориям работников бюджетной сферы, индексации заработной платы прочим работникам бюджетной сферы с 1 января 2018 г., доведения минимального размера оплаты труда до величины прожиточного минимума трудоспособного населения в 2020–2024 годах реальная заработная плата будет расти на 2,3–2,6 % в год. Ожидается, что за 2019–2024 годы — на 14,5 процента. Кроме того, в результате реализации мер государственной политики по обеспечению устойчивого роста реальных доходов граждан и роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума снизится с 12,5 %, ожидаемых по результатам 2019 года, до 9,4 % к 2022 году и до 6,6 % к 2024 году.

Снова важность задачи снижения бедности подчеркивается в Указе Президента РФ № 474 от 21.06.2020 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», где среди национальных целей закреплено сохранение населения, здоровья и благополучия людей, которое измеряется в том числе снижением уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г.

Все перечисленные выше документы подчеркивают важность снижения бедности для российского общества. Для достижения национальных целей развития России до 2030 г. разработан комплекс национальных проектов и государственных программ. Вместе с тем сложилась парадоксальная ситуация, когда сама задача и соответствующие ей показатели

повышения уровня жизни и снижения бедности не нашли своего отражения среди обширного перечня целевых индикаторов нацпроектов и госпрограмм¹. Таким образом, несмотря на заявленную в стратегических документах социально-экономического развития Российской Федерации и в Национальных проектах необходимость сокращения бедности и повышения уровня жизни, госпрограмм по достижению заявленных целей не предусмотрено.

1. Теоретические подходы к исследованию феномена бедности

Бедность присуща любому обществу в каждый исторический момент его развития, предоставляя пищу для размышления представителям различных отраслей науки: философам, социологам, экономистам.

Т. Мальтус в своем труде «Опыт народонаселения» вывел закон периодического роста населения, суть которого заключалась в том, что каждые двадцать пять лет, если нет никаких этому препятствий, население удваивается и возрастает в геометрической прогрессии, в то же время средства существования не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии. Таким образом, с ростом населения возникает дефицит необходимых благ для его жизнеобеспечения, что ведет к обнищанию «лишней» части населения. В качестве регуляторов численности населения он называл голод, войны и эпидемии болезней (Мальтус, 1895).

Классики английской политической экономии исследовали феномен бедности, базирясь на теории трудовой стоимости через механизмы формирования рыночного спроса на товары и рабочую силу. В то же время в их взглядах относительно причин бедности проявляется влияние мальтузианской теории народонаселения. Так, А. Смит в качестве фактора, формирующего бедность рабочих и регулирующего их численность, определял снижение спроса производителей товаров на труд в результате отсутствия экономического роста (Смит, 1962). Д. Рикардо объяснял причину бедности, анализируя распределительные отношения произведенного общественного продукта

¹ Госпрограмма «Социальная поддержка граждан» касается только малоимущих. Госпрограмма «Содействие занятости» направлена на создание рабочих мест в сфере малого предпринимательства и самозанятости населения, повышение мобильности трудовых ресурсов, но не касается вопросов оплаты труда. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/program/03/financing> (дата обращения 12.08.2020).

через соотношение естественной и рыночной цены труда. Под естественной он понимал необходимую заработную плату, «чтобы рабочие имели возможность существовать и продолжать свой род без увеличения или уменьшения их числа», зависящую от количества жизненных благ, которые можно на нее приобрести. Считал, что естественная цена всех товаров, кроме сырья и труда, имеет тенденцию падать с прогрессом общества. Под рыночной ценой труда он понимает цену, которая «действительно платится за него в силу естественного действия отношения между предложением и спросом». Таким образом, несоответствие величин естественной и рыночной заработной платы будут регулировать число рабочих в ту или иную сторону (Рикардо, 1955).

Вторая половина XX века охарактеризовалась появлением нескольких новых теоретических концепций формирования бедности, в результате чего сложилось понимание относительной бедности. Большая заслуга в развитии теоретических исследований относительной бедности или бедности в лишениях принадлежит П. Таунсенду. Основы его теории изложены в книге «Бедность в Соединенном Королевстве: обзор ресурсов домашних хозяйств и уровня жизни» (Townsend, 1979). В качестве критериев, определяющих бедность, П. Таунсенд выделил не только постоянный дефицит потребления самых необходимых продуктов питания и промышленных товаров, но и отсутствие возможности получить достойное образование, иметь хорошо оплачиваемую работу, пользоваться социальными и культурными благами, распространенными в обществе. Таким образом, Таунсенд расширил понимание бедности не только с точки зрения низкого дохода, позволяющего сохранять жизнедеятельность лишь на уровне биологического выживания, но и с точки зрения лишения бедного населения возможности пользоваться благами общества, включаемыми им в стандарты потребления.

Работы Амартии Сена в области исследования бедности и неравенства в странах «третьего мира», за которые он получил Нобелевскую премию, внесли значительный вклад в развитие научных представлений о депривационной бедности. Сен исследует существование обширного голода на фоне беспрецедентного глобального процветания, но, как он утверждает, проблема была бы разрешима, если решения не определялись бы мальтузианским пессимизмом. Эффективная профилактика голода не включает поставку продовольствия на душу населения и автоматический механизм рынка:

продуктов питания может быть даже в избытке, в то же время у значительной части населения не будет средств для их приобретения. А. Сен исследует феномен бедности через критерий отсутствия базовых возможностей к росту качества жизни и выделяет факторы, ухудшающие приспособляемость человека к происходящим в обществе изменениям, загоняя его еще больше в состояние бедности. В качестве основных факторов риска бедности Сен выделяет низкий уровень образования и здоровья человека (Sen, 2019).

Несколько иначе факторы бедности обосновываются у Т. Пикетти в его книге «Капитал в XXI веке». В своей работе он проводит мысль о том, что в условиях распространения субъективных взглядов различных акторов общественных отношений на понятие справедливости в отношении бедности возникает необходимость усиления роли государства в решении проблемы бедности и неравенства. Прежде всего, необходима эффективная политика государства в распространении знаний и профессиональных навыков, институционального развития образовательной сферы, обеспечения условий, делающих доступным для населения приобретение необходимых умений (Пикетти, 2015).

В зарубежной литературе в качестве объекта исследования в основном принимается относительная или депривационная бедность, исследуются механизмы исключения бедных домохозяйств из потребления материальных и духовных благ современного общества, отрицательно влияющие на условия жизнедеятельности их членов и вызывающие негативные физические, поведенческие и экономические последствия. Результаты исследований имеют, как правило, практическую направленность и позволяют выявлять управляемые факторы бедности и разрабатывать меры и политику смягчения обусловленных ею последствий (Boateng et al., 2020; Ngandu et al., 2020; Jessel et al., 2019).

Кроме исследований конкретно феномена бедности встречаются работы, посвященные ее территориальным и пространственным аспектам. Интересные результаты получили вьетнамские исследователи в ходе анализа процессов урбанизации и экономического развития 35 провинций Вьетнама за период с 2006 по 2014 годы. Как отмечено в их статье (Nguyen et al., 2020), уровень бедности во Вьетнаме сокращается быстрыми темпами, однако он все еще находится в группе стран с низким и средним уровнем дохода. Средний доход на душу

населения вьетнамцев составляет всего 2539 долларов США на человека в год, экономика занимает 128/180-е место в мире. ВВП в промышленном секторе имеет очень высокую долю (13 %), а численность занятых в сельском хозяйстве — почти 70 %. Уровень урбанизации — менее 40 %. Экономический рост и урбанизация отражены в исследовании в таких показателях, как стоимость ВВП, стоимость экспорта, стоимость импорта, уровень урбанизации и уровень занятости. По результатам исследования авторы сделали выводы о том, что факторы, оказывающие значительное влияние на сокращение уровня бедности, включают стоимость импорта, уровень урбанизации и уровень занятости; факторы, не влияющие на уровень бедности, включают стоимость экспорта и стоимость ВВП. Основываясь на результатах исследования авторами предлагается ряд рекомендаций по разработке политики, которая будет способствовать экономическому росту, поддержке процесса урбанизации, что должно внести прямой положительный вклад в сокращение бедности в стране, в частности предлагается реализации программ искоренения голода и сокращения масштабов нищеты, включение самых бедных горных районов в инвестиционные планы развития, повышая роль местного населения в процессе реализации проектов, разработка соответствующей политики для привлечения предприятий, инвестирующих в горные районы, акцентируя на мерах, связанных с земельными и налоговыми льготами (Nguyen et al., 2020).

Изучение пространственных и социальных различий, связанных с бедностью, между 109 округами Китая, с учетом пространственной неоднородности детерминант бедности, привели авторов следующей статьи (Zhao, Lu, 2020) к выводу, что такие показатели, как ВВП на душу населения, соотношение населения этнических меньшинств, медицинский и технический персонал учреждений здравоохранения и уровень неграмотности существенно влияют на уровень бедности ($R^2 = 0,67$), при этом уровень бедности также влияет на вышеназванные показатели, т. е. эффекты являются взаимодружающими. Кроме того, на уровень неграмотности значительно влияет наличие школ и транспортных условий. По результатам исследования авторы делают вывод, что социальные факторы являются ключевыми в формировании пространственного контекста бедности (Zhao, Lu, 2020).

В отечественной литературе представлено довольно большое количество теоретических

и методических работ, исследующих проблему бедности и социального неравенства. Однако, в отличие от зарубежных, в российских публикациях в качестве объекта исследования выступает в основном абсолютная бедность и факторы ее формирования (Реймер, Манакон, 2012; Тимофеев, 2012; Игнаток, 2008). Общим для всех публикаций является вывод о том, что бедность — опасное социально-экономическое явление, представляющее угрозу для дальнейшего развития российской экономики и общества (Максимов, 2012; Пятова, 2013).

В то же время можно выделить различные уровни и направления исследований причин бедности и неравенства. Например, в глобальном плане бедность рассматривается как вполне закономерное явление, обусловленное процессами разворачивания транснациональными компаниями производств на территории периферийных стран. Потребности и структура ТНК нацелены на использование дешевых материальных и трудовых ресурсов стран третьего мира как на индивидуальном, так и на национальном уровне (Рыжков, 2013). Национальный и региональный уровни исследования бедности связываются с действием экономических, демографических, социальных факторов (Гудз и др., 2013; Литинская, Матюшина, 2016). Отметим, что все выделяемые факторы имеют важное значение для формирования благополучия отдельного человека или всего общества, однако являются лишь следствием отсутствия у государства эффективной политики перераспределения национального богатства (Бочко и др., 2015; Булочникова, Ченцов, 2011).

2. Анализ показателей динамики бедности в России

Существует достаточно много формулировок, интерпретирующих содержание феномена бедности. При этом в наиболее общем плане понятие бедности в любом обществе ассоциируется с жестким ограничением домохозяйств в материальных, культурных, социальных ресурсах, не позволяющем им вести приемлемый образ жизни, принятый в пределах страны проживания. Мировая научная мысль выделяет различные виды бедности, основными из которых можно назвать абсолютную бедность, бедность по лишениям (депривационную) и субъективную бедность. В России официальной статистикой учитывается абсолютная бедность, обусловленная низкими доходами населения и учитываемая через их соотношение с прожиточным минимумом — со-

Динамика показателей, характеризующих уровень бедности в России

Показатель	2010	2015	2016	2017	2018	Рег. дифференциация в 2018 г.	
						максимум	минимум
Уровень экономической активности населения, %	67,7	69,1	69,5	62,8	62,8	77,8 (Чукотский АО)	54,1 (Респ. Адыгея)
Уровень безработицы (по методологии МОТ), %	7,3	5,6	5,5	5,2	4,8	1,2 (г. Москва)	26,3 (Респ. Ингушетия)
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	20952	34030	36709	39167	43724	98864 (Чукотский АО)	21155 (Респ. Дагестан)
Реальная начисленная заработная плата, % к предыдущему году	—	—	100,8	102,9	108,5	114,9 (Респ. Алтай)	104,0 (ХМАО, Новгородская обл., Чукотский АО)
Реальные денежные доходы населения, % к предыдущему году	—	—	95,5	99,8	101,1	105,9 (Ненецкий АО)	94,2 (Новгородская обл., Респ. Крым)
Медианная номинальная заработная плата работников организаций, руб.*	14618	24868	26607	28345	31340	72429 (ЯНАО)	17829 (Респ. Дагестан)
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	12,5	13,3	13,4	12,9	12,6	34,4 (Респ. Тыва)	5,8 (ЯНАО)
Покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения, раз	3,73	3,76	3,70	3,66	3,25	5,11 (ЯНАО)	1,57 (Респ. Тыва)
Доля занятых в неформальном секторе, %	16,6	20,5	21,2	19,8	20,4	64,1 (Респ. Чечня)	4,0 (Москва)

Сост. по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012–2019 г.: стат. сб. — М.: Росстат, 2012–2019. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 10.08.2020).

* Дана оценка показателя за 2010, 2016, 2018 гг.

циальным стандартом, определяющим минимальную стоимостную величину необходимых для поддержания жизни материальных благ и услуг. По данным Росстата, за период с 2010 по 2019 гг. тенденция снижения уровня бедности в России имела незначительную динамику, сменяясь в отдельные годы на отрицательную (табл. 1).

Снижение экономической активности населения, с одновременным сокращением уровня общей безработицы, может быть связано с уходом части трудоспособного населения в сферу теневой занятости. Процесс деформализации рынка труда находит свое подтверждение в росте доли занятых в неформальном секторе: в среднем по стране в этом секторе экономики занят каждый пятый работник, в отдельных регионах данный показатель достигает 60 % от численности занятых (республики Северного Кавказа).

Доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума сохраняется

в течение анализируемого периода 2010–2018 гг. в границах 12,5–13,5 %, структура распределения общего объема денежных доходов между 20-процентными доходными группами населения остается практически неизменной. Коэффициент фондов и коэффициент Джини, являющиеся ключевыми индикаторами расслоения общества, сохраняют свои значения примерно на одном уровне без проявления тенденции к снижению.

Риски роста уровня бедности в значительной мере связаны с ростом неформальной занятости, поскольку качество рабочих мест в неформальном секторе в большинстве своем ниже, а труд менее оплачиваем. Кроме того, занятость в неформальном секторе, как правило, выпадает из системы социального страхования, что приводит к снижению доходов населения в период временной нетрудоспособности и после окончания трудовой деятельности.

Проблема бедности в большей степени носит территориальный характер и состоит в зна-

Таблица 2

Структура денежных доходов населения России, %

Показатель	2010	2015	2016	2017	2018	Рег. дифференциация в 2018 г.	
						максимум	минимум
Доходы от предпринимательской деятельности	8,9	6,5	6,4	6,3	6,1	16,0 (Кабардино-Балкарская Респ.)	1,1 (Респ. Ингушетия)
Оплата труда	40,3	52,8	53,9	55,1	57,4	83,6 (ЯНАО)	21,1 (Респ. Дагестан)
Социальные выплаты	17,7	18,2	18,8	19,3	19,1	35,1 (Респ. Тыва)	11,2 (ЯНАО)
Доходы от собственности	6,2	5,1	5,1	4,6	4,6	9,6 (г. Москва)	0,2 (Чеченская Респ.)
Прочие денежные поступления	26,9	17,4	15,8	14,7	12,8	58,7 (Респ. Дагестан)	0,4 (Респ. Тыва)

Сост. по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012–2019 г.: стат. сб. — М.: Росстат, 2012–2019. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 10.08.2020).

чительной региональной дифференциации показателей бедности. Различия между максимальным и минимальным значениями составляют для:

— показателя доли населения с доходами ниже прожиточного минимума — в 6 раз (5,8 % в ЯНАО и 34,4 % в Республике Тыва);

— уровня покупательной способности доходов населения — 3,3 раза (1,57 раза в Республике Тыве и 5,11 раза в ЯНАО);

— величины медианной заработной платы — 4 раза (17,8 тыс. руб. в Республике Дагестан и 72,4 тыс. руб. в ЯНАО);

— уровня безработицы — в 22 раза (1,2 % в Москве и 26,3 % в Республике Ингушетия);

— коэффициента фондов — в 2 раза (9,2 в Костромской и Тверской областях и 18,4 в ЯНАО) при среднем по России значении 15,3 раза в 2018 г.;

— коэффициента Джини — в 1,3 раза (0,338 в Костромской и Тверской областях и 0,435 в ЯНАО).

Более того, указанные соотношения за анализируемый период времени практически не меняются, консервируя значительные диспропорции в уровне жизни между богатыми и бедными регионами.

Несмотря на рост средней и медианной заработной платы, покупательная способность доходов населения стабильно снижается, что свидетельствует о сохраняющемся значительном разрыве в уровнях оплаты труда между регионами, отраслями экономики, между рядовым и руководящим персоналом как в бизнесе, так и в сфере государственного управления.

Динамика структуры доходов населения России и ее регионов также свидетельствует

об отсутствии у государства эффективной политики доходов и заработной платы, что является одним из факторов распространения бедности в нашей стране (табл. 2). Так, низкая доля с тенденцией к понижению предпринимательских доходов и доходов от собственности в структуре доходов населения свидетельствует об отсутствии в стране эффективных рыночных и государственных механизмов развития малого и среднего предпринимательского сектора, роста благосостояния населения.

Если брать в среднем по России, то основную долю в структуре доходов составляет заработная плата. Однако, если ее медианное значение в настоящее время находится на уровне чуть выше 30 тыс. руб., то в результате простых расчетов можно увидеть, что среднестатистическая российская семья (двое работающих взрослых и один ребенок) будут иметь среднедушевой месячный доход на уровне 20 тыс. руб., или около 1,5 ПМ. Это еще не бедность, по принятым в стране критериям (1 ПМ), но такое материальное состояние семьи не дает возможности полноценно пользоваться материальными и культурными благами современного общества. Не отражается на росте покупательной способности доходов населения и довольно высокий показатель зарплатоемкости ВВП страны (табл. 3)

По приведенным в таблице 3 данным можно заметить, что суммарная заработная плата в России растет, однако среднее ее значение невысокое, а ее медианная величина еще ниже. В этой связи стоит отметить, что за период 2015–2019 гг. при нестабильной динамике роста производительности труда и номинальной

Динамика зарплатоемкости ВВП России

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
ВВП, млрд руб.	83087	85616	91843	104630	110046
в % к предыдущему году	112,4	103,0	107,3	113,9	105,2
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	72424,9	72065,2	71842,7	71561,7	70949,3
Производительность труда ¹ , тыс. руб.	1147,22	1188,04	1278,39	1462,09	1551,05
в % к предыдущему году	112,1	103,6	107,6	114,4	106,1
Среднемесячная номинальная начисленная зарплата, руб.	34030	36709	39167	43724	47468
в % к предыдущему году	110,2	107,9	106,7	111,6	108,6
Реальная начисленная заработная плата, % к предыдущему году	100,8	102,9	108,5	105,2	102,9
ФОТ ² , млрд руб.	38507,2	41332,4	43963,8	48886,9	52618,8
в % к предыдущему году	111,2	107,3	106,4	111,2	107,6
Доля заработной платы в ВВП ³	0,46	0,48	0,48	0,47	0,48

Сост. по: Российский статистический ежегодник 2019: стат. сб. — М.: Росстат, 2020; Информация о социально-экономическом положении России за январь 2020 г.: стат. сб. — М.: Росстат, 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 13.08.2020).

¹ Рассчитано как отношение ВВП к ФОТ.

² ФОТ (фонд оплаты труда) рассчитан как годовая среднемесячная номинальная заработная плата всех занятых в экономике.

³ Рассчитано как отношение ФОТ к ВВП.

заработной платы темпы их роста в среднем годовом исчислении составляли примерно одинаковую величину (108,8 % и 109 %, соответственно), см. табл. 3. Данное соотношение свидетельствует о том, что на рост производительности труда в настоящее время действуют в основном факторы, зависящие от системы управления трудом (повышение квалификации работников, удлинение или уплотнение рабочего времени, повышение интенсивности труда и т. д.). Для того, чтобы рост производительности труда проходил с опережением роста заработной платы, необходимо техническое перевооружение рабочих мест и создание производств на новой технологической основе.

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует об отсутствии у государственных органов управления эффективной политики в сфере доходов и заработной платы и понимания того, что феномен бедности — это не только и даже не столько социальное, сколько экономическое явление. В силу этого задачи по ее снижению требуют системных решений в различных областях экономики и социальной сферы. Простое вливание денежных средств в материальную поддержку социально незащищенных слоев населения может быть и необходимо, но оно не даст ожидаемого эффекта карди-

нального снижения бедности в стране. Нужна долгосрочная комплексная государственная политика, направленная, с одной стороны, на повышение эффективности экономики, ее структурных преобразований и совершенствование распределительных отношений, с другой стороны, на повышение эффективности адресной социальной защиты малоимущего населения.

Первоочередное приоритетное направление в формировании широкомасштабной государственной политики по снижению бедности в стране — создание условий для самостоятельного выхода из бедности работающего населения.

Следующее важное направление — дальнейший рост минимальной заработной платы — и не на проценты, а как минимум в два раза. Одновременно должна решаться задача легализации заработной платы в теневой занятости.

Следующий приоритет обусловлен уже не самой бедностью, а неравенством или социальной стратификацией общества. В обществе с высокой дифференциацией доходов и концентрацией их у незначительной группы населения невозможно динамичное развитие и формирование конкурентоспособных преимуществ экономики и человеческого капитала, успешного противостояния негативным процессам глобализации.

Основной выход из бедности, как представляется многим экспертам, видится в экономическом росте, что вполне логично. Экономический рост может повысить планку благосостояния, но, как свидетельствуют региональные процессы, при отмечающемся экономическом росте расслоение общества и концентрация доходов у наиболее богатых слоев населения не только не замедлялись, но и имели тенденцию к ускорению.

Данный факт свидетельствует о необходимости перестраивать систему распределительных отношений в обществе и возвращаться к инструментам прогрессивного налогообложения, эффективно работающим в большинстве экономически развитых стран, одновременно выстраивая систему государственного контроля за товарными и финансовыми потоками.

Политика снижения бедности должна иметь четко выраженный территориальный характер. Наиболее бедное население сконцентрировано в сельской местности, в малых и средних городах с моноотраслевой структурой экономики. В данном случае требуется разработка региональной и муниципальной политики по формированию кластеров занятости на основе саморазвития территории, созданию рабочих мест в малом бизнесе, развитию трудоемких отраслей экономики, ориентированных на внутренний рынок и массового потребителя.

Наряду с абсолютной бедностью, измеряемой показателем доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, значение которого может ввести в заблуждение, что проблема бедности в стране не такая уж и серьезная, существует довольно значительный уровень депривационной бедности или бедности по лишениям. В условиях бурной коммерциализации сферы образования, здравоохранения, досуговой деятельности данный вид бедности исключает для значительной части населения нашей страны из области доступного такие важнейшие сферы развития человеческого капитала, как возможность приобретения современного жилья, качественного образования и услуг здравоохранения, отвечающих современным достижениям науки и техники. В де-

привационной бедности оказалось население, занятое наемным трудом с величиной заработной платы выше, чем величина прожиточного минимума, но по современным стандартам уровня жизни не отвечающей требованиям развития человеческого капитала, способного решать задачи научно-технологического развития страны.

Анализ действующих стратегических документов социально-экономического развития России не дает ответа на вопрос, какими мерами должна снижаться бедность. В Указе Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве одного из установленных целевых показателей в рамках национальной цели «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» определено снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 года. Видимо, речь идет о снижении только абсолютной, а не относительной бедности, которая имеет в стране более значительные масштабы. Если дальше анализировать положения данного документа, то в нем есть еще один подводный камень, который, по сути дела, ставит барьер на пути роста заработной платы и социального обеспечения. Так, в рамках национальной цели «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» в качестве целевого показателя определено обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции. Из этого положения следует вывод, что устойчивый рост предполагается лишь для номинальных, а не реальных доходов населения.

Бедность — сложное многофакторное явление — становится препятствием для динамичного развития страны. Поэтому, для того чтобы обеспечить недопущение дальнейшего роста масштабов бедности, необходимо проводить экспертизу социальных последствий всех стратегических документов и масштабных реформ, не принимать мер, которые приведут не к сокращению, а к дальнейшему росту бедности населения, привлекать для экспертной деятельности представителей научного сообщества из российских регионов.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках НИР по Государственному заданию Института экономики Уральского отделения РАН на период 2019–2022 годы.

Список источников

- Бочко В. С., Татаркин А. И., Берсенёв В. Л.* Судьба политической экономики в условиях современных исторических вызовов: продолжение кризиса или начало возрождения? // Журнал экономической теории. — 2015. — № 3. — С. 28–41.
- Булочникова Л. А., Ченцов Р. В.* Распределение дохода: неравенство и бедность // Ученые записки Российской академии предпринимательства. — 2011. — № 26. — С. 11–30.
- Гудз Д. Ю., Лапин А. Е., Кальнова О. Н., Макеева В. А.* Уровень жизни, бедность и социально-экономическая дифференциация населения (на примере Ульяновской области) // Уровень жизни населения регионов России. — 2013. — № 2. — С. 79–84.
- Игнаток М. В.* Бедность: дифференциация подходов к определению и измерению // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2008. — Т. 6. — № 4. — Часть 2. — С. 67–71.
- Литинская Е. Ю., Матюшина Ю. Б.* Генезис основных теорий бедности // Вестник ВГУ. Серия: история. политология. социология. — 2016. — № 3. — С. 74–77.
- Максимов С. Н.* Бедность населения как угроза экономической безопасности // Публичное и частное право. — 2012. — № 3 (15). — С. 72–79.
- Мальтус Т.* Опыт закона о народонаселении. — М., 1895 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/maltus/maltus.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).
- Пикетти Т.* Капитал в XXI веке: пер. с англ. А. Дунаева. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 592 с.
- Пятова О. Ф.* Бедность населения как внутренняя угроза экономической безопасности страны // Известия Самарской государственной сельскохозяйственной академии. — 2013. — № 2. — С. 8–13.
- Реймер В. В., Манаков Н. С.* Бедность в России: масштабы и структурные особенности // Социум и власть. — 2012. — № 2 (34). — С. 22–24.
- Рикардо Д.* Начала политической экономики и налогового обложения. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — 539 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.biznesbooks.com/books/ekonomika/david-rikardo-nachala-politicheskoi-ekonomii-i-nalogovogo-oblogeniya> (дата обращения 15.08.2020).
- Рыжков Д. Л.* Бедность в условиях глобализации: социально-философский анализ // Альманах современной науки и образования. — 2013. — № 3 (70). — С. 146–149.
- Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Соцэкгиз, 1962. — 255 с.
- Тимофеев Ю. В.* Влияние социальных выплат на бедность и неравенство в России // Экономический анализ: теория и практика. — 2012. — 10(265). — С. 41–45.
- Boateng G., Balogun M., Dada F., Armah F.* Household energy insecurity: dimensions and consequences for women, infants and children in low- and middle-income countries // Social science & medicine. — 2020. — Vol. 258. — DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113068.
- Jessel S., Sawyer S., Hernandez D.* Energy, Poverty, and Health in Climate Change. A Comprehensive Review of an Emerging Literature // Frontiers in public health. — 2019. — Vol. 7. — DOI: 10.3389/fpubh.2019.00357.
- Ngandu C. B., Momberg D., et al.* The association between household socio-economic status, maternal socio-demographic characteristics and adverse birth and infant growth outcomes in sub-Saharan Africa: a systematic review // Journal of developmental origins of health and disease. — 2020. — Vol. 11. — No. 4. — P. 317–334. — DOI: 10.1017/S2040174419000680.
- Nguyen H., Nguyen C., Nguyen C. V.* The Effect of Economic Growth and Urbanization on Poverty Reduction in Vietnam // Journal of Asian finance economics and business. — 2020. — Vol. 7. — No. 7. — P. 229–239. — DOI: 10.13106/jafeb.2020.no7.229.
- Sen A.* The Political Economy of Hunger: on Reasoning and Participation // Common Knowledge. — 2019. — Vol. 25 (1–3). — P. 348–356. — DOI: 10.1215/0961754X-7299462.
- Townsend P.* Poverty in the United Kingdom: a survey of household resources and standards of living. — London: Allen Lane and Penguin Books, 1979. [Electronic resource]. URL: <https://www.poverty.ac.uk/free-resources-books/poverty-united-kingdom> (accessed 15.08.2020).
- Zhao Y. J., Lu Y.* Mapping determinants of rural poverty in Guangxi — a less developed region of China // Journal of mountain science. — 2020. — Vol. 17. — No. 7. — P. 1749–1762. — DOI: 10.1007/s11629-019-5760-9.

Информация об авторах

Козлова Ольга Анатольевна — доктор экономических наук, руководитель центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики Уральского отделения РАН; профессор кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: Olga137@mail.ru).

Макарова Мария Никитична — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: maria_makarova87@mail.ru).

For citation: Kozlova, O. A., & Makarova, M. N. (2020). Poverty Reduction in Russia in the Context of National Development Goals and their Achievement. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 17 (4), 770-780

Kozlova O. A.^{a, b)}, **Makarova M. N.**^{a)}

^{a)} Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: Olga137@mail.ru)

^{b)} Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation)

Poverty Reduction in Russia in the Context of National Development Goals and their Achievement

The article examines the phenomenon of Russian poverty, its current state and dynamics. Poverty has become a major hindrance to the development of human capital by limiting access to development resources, such as quality health care, education, worthy wages, and successful socialization of children and youth. Although in Russia there is a wide range of strategic development documents prioritizing the improvement of the quality of life, poverty has long remained a persistent problem in the country and a threat to its security.

Our research hypothesis is that the lack of an effective antipoverty policy determines the stagnant nature of poverty and the failure of certain financial measures to address this problem. To test the research hypothesis empirically, we explore strategic documents of socio-economic development in Russia and analyze the relevant indicators characterizing the current state and dynamics of poverty in 2010–2018. Our research relies on the official data of the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat). We also consider poverty theories and antipoverty measures of different countries as well as the Russian retrospective data to show the need for an efficient antipoverty policy and to identify its priorities.

Keywords: poverty theory, absolute and relative poverty, inequality, factors, indicators and dynamics of poverty, national goals, policy priorities, state policy

Acknowledgements

The study has been carried out within the framework of research work on the state order of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for the period 2019–2022.

References

- Bochko, V. S., Tatarkin, A. I., & Bersenev, V. L. (2015). Sud'ba politicheskoy ekonomii v usloviyakh sovremennykh istoricheskikh vyzovov: prodolzhenie krizisa ili nachalo vrozhdeniya? [The fate of political economy in today's historic challenges: the continuation of the crisis or the beginning of a renaissance?] *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 3, 28–41. (In Russ.)
- Bulochnikova, L. A., & Chentsov, R. V. (2011). Raspreделение dokhoda: neravenstvo i bednost' [Income distribution: inequality and poverty]. *Uchenye zapiski rossiyoskoy akademii predprinimatel'stva* [Scientific notes of the Russian academy of entrepreneurship], 26, 11–30. (In Russ.)
- Gudz, D. Yu., Lapin, A. E., Kal'nova, O. N., & Makeeva, V. A. (2013). Uroven' zhizni, bednost' i sotsial'no-ekonomicheskaya differentsiatsiya naseleniya (na primere Ul'yanovskoy oblasti) [The standard of living, poverty and socio-economic differentiation of the population (on the example of the Ulyanovsk region)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards and Quality of Life], 2, 79–84 (In Russ.)
- Ignatok, M. V. (2008). Bednost': differentsiatsiya podkhodov k opredeleniyu i izmereniyu [Poverty: Differentiation of Approaches to Definition and Measurement]. *Ekonomicheskii vestnik rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Rostov State Economic University], 6(4), Part 2, 67–71. (In Russ.)
- Litinskaya, E. Yu., & Matyushina, Yu. B. (2016). Genesis osnovnykh teoriy bednosti [Genesis of the main theories of poverty]. *Vestnik VGU. Seriya: istoriya. politologiya. sotsiologiya* [«Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology], 3, 74–77 (In Russ.)
- Maksimov, S. N. (2012). Bednost' naseleniya kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti [Poverty as a threat to economic security]. *Publichnoe i chastnoe pravo* [Public and private law], 3 (15), 72–79. (In Russ.)
- Mal'tus, T. (1895). *Opyt zakona o narodonaselenii* [Experience of the Law on Population]. Moscow, Russia, available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/maltus/maltus.pdf> (accessed 10.08.2020). (In Russ.)
- Piketti, T. (2015). *Kapital v XXI veke* [Capital in the 21st century]. Translated by A. Dunaev. Moscow, Russia: Ad Marginem Press, 592. (In Russ.)
- Pyatova, O. F. (2013). Bednost' naseleniya kak vnutrennyaya ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti strany [Population poverty as internal threat to the country economic security]. *Izvestiya samarskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Bulletin of the Samara State Agrarian Academy], 2, 8–13. (In Russ.)
- Reimer, V. V., & Manakov, N. S. (2012). Bednost' v Rossii: masshtaby i strukturnye osobennosti [Poverty in Russia: the extent and structural features]. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 2 (34), 22–24. (In Russ.)
- Rikardo, D. (1955). *Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya* [On the principles of political economy and taxation]. Moscow, Russia: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 539, available at: <https://www.biznesbooks.com/books/ekonomika/david-rikardo-nachala-politicheskoi-ekonomii-i-nalogovogo-oblozheniya> (accessed 15.08.2020). (In Russ.)

- Ryzhkov, D. L. (2013). Bednost' v usloviyakh globalizatsii: sotsial'no-filosofskiy analiz [Poverty in the context of globalization: socio-philosophical analysis]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya [Almanac of modern science and education]*, 3 (70), 146–149. (In Russ.)
- Smith, A. (1962). *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]*. Moscow, Russia: Sotsekgiz, 255. (In Russ.)
- Timofeev, Yu. V. (2012). Vliyanie sotsial'nykh vyplat na bednost' i neravenstvo v Rossii [Impact of social transfers on poverty and inequality in Russia]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika [Economic Analysis: Theory and Practice]*, 10(265), 41–45. (In Russ.)
- Boateng, G., Balogun, M., Dada, F. & Armah, F. (2020). Household energy insecurity: dimensions and consequences for women, infants and children in low- and middle-income countries. *Social science & medicine*, 258. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113068.
- Jessel, S., Sawyer, S., & Hernandez, D. (2019). Energy Poverty, and Health in Climate Change. A Comprehensive Review of an Emerging Literature. *Frontiers in public health*, 7. DOI: 10.3389/fpubh.2019.00357.
- Ngandu, C.B., Momberg, D., et al. (2020). The association between household socio-economic status, maternal socio-demographic characteristics and adverse birth and infant growth outcomes in sub-Saharan Africa: a systematic review. *Journal of developmental origins of health and disease*, 11(4), 317–334. DOI: 10.1017/S2040174419000680.
- Nguyen, H., Nguyen, C. & Nguyen, C.V. (2020). The Effect of Economic Growth and Urbanization on Poverty Reduction in Vietnam. *Journal of Asian finance, economics and business*, 7(7), 229–239. DOI: 10.13106/jafeb.2020.vol7.no7.229.
- Sen, A. (2019). The Political Economy of Hunger: Reasoning and Participation. *Common Knowledge*, 25 (1–3), 348–356. DOI: 10.1215/0961754X-7299462.
- Townsend, P. (1979). *Poverty in the United Kingdom: a survey of household resources and standards of living*. London, Allen Lane and Penguin Books, available at: <https://www.poverty.ac.uk/free-resources-books/poverty-united-kingdom> (accessed 15.08.2020).
- Zhao, Y. J., Lu, Y. (2020). Mapping determinants of rural poverty in Guangxi — a less developed region of China. *Journal of mountain science*, 17(7), 1749–1762. DOI: 10.1007/s11629–019–5760–9.

Authors

Olga Anatol'evna Kozlova — Doctor of Economics, Head of Socioeconomic Dynamics Research Centre, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: Olga137@mail.ru).

Maria Nikitichna Makarova — PhD in Economics, Senior Researcher, Socioeconomic Dynamics Research Centre, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: maria_makarova87@mail.ru).